

Егор Альтегин

Вишенка для дублера

Рассказы о футболе

Егор Альтегин

**Вишенка для дублера.
Рассказы о футболе**

«Издательские решения»

Альтегин Е.

Вишенка для дублера. Рассказы о футболе / Е. Альтегин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908844-4

Сборник коротких рассказов о футболе, от серьезных до смешных, от
человеческой драмы до шуточного словаря футбольных терминов.

ISBN 978-5-44-908844-4

© Альтегин Е.
© Издательские решения

Содержание

Из сборника «Отпуск для алхимика»	6
«Мера везения»	6
«Отпуск для алхимика»	9
Единственный матч	11
Финиш для лягушки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вишенка для дублера Рассказы о футболе

Егор Альтегин

© Егор Альтегин, 2018

ISBN 978-5-4490-8844-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из сборника «Отпуск для алхимика»

«Мера везения»

Где-нибудь в аэропорту бывает приятно встретить старого знакомого. В ситуации стандартного будничного марафона может бы и не окликнул: не виделась чуть ли не с выпускного, узнать-то проблематично, если не сидишь во всяких там «однокамерниках-вконтактах». Да и эта долбанная вечная занятость, когда твое время рвут на части все кому не лень, и дружелюбность-сентиментальность как-то сама собой уступает место тупому эгоизму и желанию минимизировать случайные контакты. А тут, понимаешь, лепота и безмятежность: дела сделаны, есть еще время до рейса, а навстречу по домодевскому залу прет Андрюха Горчаков, поседевший, но вполне узнаваемый.

Поздоровались-обнялись, поржали над животами-сединами. Андрей, как я помнил, уехал в белокаменную через пару лет после выпуска и цель была конкретна – покорять мир своими футбольными талантами. Мы и в школе общались больше посредством мяча; Горчаков был талантище, чего уж там. В дриблинге крутил нас как детей, а с правой сушил воротчикам руки, если убрать не успевали.

Сели, заказали по пиву. Путь Горчакова был обычен: просмотр у красно-белых, дубль, год надежд, потом вторая лига, немного второсортной заграницы.

– Золотой мяч, я, как ты понял, не выигрывал, – сказал он без ложной тоски в голосе. – «Джентльменов много – местов мало».

– Чего не хватило: таланта, удачи? – бестактно спросил я.

Андрюха махнул рукой.

– Да какой талант, и так-то, считай, повезло. Я же, Егорище, с самим Андреем Агеевым играл.

– Угу. А чё не с Марадоной?

Андрюха усмехнулся, хитро посмотрел на меня, «мол, чего тупишь, такие биографии знать надо». Я напряг память.

– В Знаменске что ли? С Агеевым? Черт, точно... Ну и как?

– Как... Тут в двух словах не расскажешь. Уровень. В том, как он бутсы шнуровал, футбола было больше, чем во всей нашей полуторачасовой возне. А Петровичу – мы его только так и звали – уже за сорок было. И вот представь, сижу я такой на предматчевой, а рядом легенда «Арбата», да что там – всего футбола советского, бразильцам забивавший, французам...

– Да. Сюжет.

– Ага. Его наш президент тогдашний уболтал, играющим тренером. Девяносто третий год, вторая лига, а стадион под завязку – Агеев собственной персоной. Я правого хава бегал. До него играли так – мяч получил, либо пробрасывай и беги, либо пуляй в штрафную. Тактика, японка мать... А Петрович пришел, посмотрел на нашу суматоху... Ну и объяснил без всяких фишек. Ты мяч принял, он уже открыт. Без беготни, без суеты – а держать его пытались чуть ли не втроем. Вот стоит в окружении, а шаг сделает – все, свободен. Ты ему даешь, а сам вперед не глядя по бровке, в зону свободную. Бац – мяч уже перед тобой, как тут и был. Не тебе даст, так другому, обид никаких, понятно. А нет Петровича на поле, хоть забегайся, в лучшем случае у лицевой догонишь с языком на плече.

Прием был, на тренировках отрабатывали. Уйдет к линии штрафной спиной к воротам, а ты ему резко в ноги, полупас-полуудар. От другого бы отскочил мяч как от столба телеграфного, а Агеев в одно-два касания уже отдает своему, кто в штрафную забегает. Либо крутанется, стряхнет защитника и сам положит, он и тогда прилично забивал.

Ну и хохмач, каких мало. Был у нас такой Леня. Нападающий, скорость как у электрички, понимания футбола столько же. В офсайде жил, ему по ходу про «вне игры» в ДЮСШ не объяснили. Подходит к Агееву, важный как петух. «Петрович, ты мне на ход чаще давай, я тут быстрее всех бегаю».

А тот так доверительно – «Да, Леня, бегаешь ты быстро». Вздыхает горестно и добавляет: «Бегаешь быстро, но многого не догоняешь». Ржем, Леня красный как морковь.

Или вот – бежим в атаку, я справа с мячом, подавать настроился. Чуть от защитника отлепился, голову поднял – а Петрович, на котором только что висели как собаки на кабане, сдает назад и один в полукруге. Катнуть бы низом, а у меня не вышло, полупрострел на голову, момент ушел. В перерыве Петрович говорит, «Андрюш, я головой не забиваю, я ей в футбол играю, ты меня с нашей молодежью не путай».

На тренировке как-то раз один наш защитник подкатился под него. Жестковато, так и с чужими не надо. Я ему чуть в хлебальник не зарядил. Агеев поднялся, говорит: «Отставить, футбол не балет». Обнимает парня и на ухо ему ласковым шепотом так, что вся команда слышит: «А еще так раз сделаешь – бутсу в задницу вобью. А размер у меня сорок третий, если что».

Фотографировались – администратор наш кричит, «Петрович, живот втяни». Агеев к команде оборачивается и с наигранной обидой в голосе: «Ну как ему объяснить, что я его уже втянул?»

А мог и по-другому. Играли с соседями в гостях, Агеев в запасе – спину прихватило. Перерыв – горим 0—2, и не играется как-то. Знаешь же, как бывает: то один открываться не побежал, то другой на него глядя, передумал жилы рвать. Петрович в раздевалке на наши постные морды посмотрел, «все, говорит – выхожу. И не в середину, в нападении побегаю». Кто-то из молодых осторожно так: «Андрей Петрович, у вас же спина...» Он кивает, «да, сынок, спина у меня. Но еще и яйца». И взгляд поднимает на всех, а там ни тени улыбки, металл один. Пробрало нас, чё. На второй тайм выбежали как наскипидаренные.

Или вот случай. Штрафные он исполнял, как рукой закидывал, но и старуху бывает проруха, как-то раз подача не вышла. Мяч за лицевую уходит, все уже расслабились, а Лешка Фадеев – он потом у бундесов играл – в каком-то прыжке-полете достает круглого и чуть не с нулевого угла попадает. Я таких голов до того в живую вообще не видел. Так и выиграли, один ноль. После матча в раздевалке Агеев нам говорит: «Ну что парни, видели как подавать надо?» Киваем, «а то, видели, Петрович, мастер есть мастер». Петрович посмотрел на нас, поулыбался. «Так вот парни. Видели вы, как подавать НЕ надо. И еще видели, что даже самый хреновый пас можно в гол превратить, если умеючи». Встает и Фадееву руку жмет: «молоток, Лешка, выручил старика». Тот потом весь сезон летал как на крыльях. Такая вот мотивация.

– Да уж... – протянул я. Что-то как бы умное говорить не хотелось. Мой одноклассник играл с Андреем Агеевым, обыгрывался в стенку, забивал с его передач. И я тут со своими идиотскими вопросами про талант и везение.

– А ты говоришь, «повезло-не-повезло», – Горчаков словно читал мои мысли. – Линейки еще не придумали, что бы такие вещи мерить. Когда Петрович ушел я еще год пробегал по этому своему правому флангу, потом за «Звезду» сезон отыграл. Потом в Финляндию, но там лечился больше, колено порезали неудачно; это сейчас менис вроде насморка... Так и закончил. Бизнес замутил, приподнялся, то, сё. А года четыре назад к «Луже» идем – слышу: «Эй, тезка, чё нос задрал». Оборачиваюсь – Петрович. Глаза все те же, смеются. Он фонд основал, деньги ветеранам добывает. Меня к этому делу пристягнул, других пацанов. А то мы вспоминаем о тех, на кого в детстве по черно-белому телеку насмотреться не могли, когда уже и поздно бывает.

– Фото есть?

– Сейчас, – Горчаков достал смартфон, мазанул пальцем. – Кубок какого-то там округа для детей старше сорока. Это мы перед матчем.

На экране два Андрея стояли рядом, одинаково щурясь яркому солнцу. Агеев раздался вширь, но выглядел вполне узнаваемо. Я вспомнил себя, орущего от восторга, когда он забивал французам в «парке Принцев». Горчаков допил пиво и мечтательно улыбнулся.

– Сейчас вот в Екатеринбург слетаю по делам, к выходным вернусь – мы по субботам играем. Будешь еще в Москве – звони, приезжай. Познакомлю.

А чем черт не шутит, думал я, провожая Андрюху на посадку. Буду в столице – возьму и приеду. Подойду, фото на память сделаю, сыну покажу. Будет повод рассказать мальчику про советский футбол, про мужиков, за которых папа в детстве болел.

Горчаков забрал у девушки в синей униформе посадочный талон, обернулся, подмигнул. Я ответил тем же.

Автограф возьму. Никогда не брал автографов, а у Агеева возьму. Ну, у кого еще брать автографы?

Вот именно – не у кого.

«Отпуск для алхимика»

Тренер всегда алхимик. Кто-то плавит из меди золото, а годом спустя, у другого императора из платиновых ингредиентов добывает латунь. Бывает и наоборот. Гарантийных талонов у тренера нет; никогда, ни у кого.

Двойственное чувство. Отбирают чемодан без ручки, который и тащить уже сил нет, а все равно жалко. Но – все к этому шло, никаких нежданчиков и удивленных глаз. Праздничный серпантин вчерашних побед смела в бездонный совок стерва-уборщица, именуемая Фортуной.

Меняется фон, меняется тон; пресса гадает на преемника – ты мысленно называешь его «приемником» – президент при встрече клеит себе на фасад выцветшую улыбку, которая у него для нелюбимых журналистов и будущих бывших тренеров. Команда перекошена, пуговицы не в тех петлях, теперь только расстегивать и снова. Ты множишь банальности в лезущие в лицо микрофоны; про готовность к отставке и про «приложу все силы». Не важно, что ты говоришь – важно как; микрофоны транслируют твою усталость.

Потом собирается Совет директоров. Тут уместно выражение «как бы». Как бы совет, как бы собирается. Эта одна из мнимых сущностей, современное приведение – все говорят, но никто не видел. Решение принимает Сам.

А когда звонит друг и спрашивает: «Поздравлять или сочувствовать?», ты не переспрашиваешь, не пытаешься удивиться, а как-то очень легко стряхиваешь надоевшее ожидание: «А давай совместим? Через пару дней у меня на даче»?

И смех в трубке, и друг доволен, что ты не раскис, а ты эту его радость запускаешь внутрь, делая своей.

Едешь на базу, где вещи и несколько человек, которые и завтра не перестанут писать, звонить и обнимать при встречах. Это тоже результат, не сразу и поймешь, что важнее.

И не читаешь новости спорта, вообще ничего не читаешь; вокруг тебя и так избыток информационно-эмоционального буйства: ахает жена, дочь неуклюже ищет слова поддержки, телефон пузырится от переизбытка смс и неотвеченных. Ты доволен, «нет меня больше в титрах этого сериала».

Ты снова на «другой стороне луны». Там времена года, а не сезоны и предсезонки, там ходят в кино и читают книги. Там живут внуки – взрослые и малознакомые, со своим быстроногим миром. Там можно замереть в кресле-качалке пресловутым пенсионером из анекдота, прислушаться к себе. Дни пустоваты, но в этом и радость. Да, где-то на дне осадок, как в бутылке с плохим вином, и иногда, когда рядом никого, ты вскакиваешь, начинаешь расхаживать по комнате и негромко материться. Быстро успокаиваешься – «а идут они...» Пьешь коньяк или сердечные капли.

Много спишь – то есть нормально, по-человечески спишь, не отвлекаясь на ускоренную перемотку загруженных в память матчей, не мучаясь все этими «почему?» и «где все пошло не так?» Не сидишь ночами за ноутбуком, словно геймер-задрот, перегружая и пересматривая, начиная сначала.

Проходит месяц, два. Ты возвращаешься в интернет, который намеренно называешь «интернатом», веселя близких. Читаешь интервью с «приемником», усмехаешься – тот поет соловьем. Читаешь разговоры с игроками. Не особо удивляясь, знакомишься с изменившимся прошлым – оказывается, ты был деспот и многого не догонял. Молодежь без тебя раскрепостилась, готова рвать и метать, а ветераны верят в свое второе дыхание, даже если с первым давно проблемы.

У президента спрашивают про кредит доверия, и он цитирует себя времен твоего назначения, слово в слово, и как-то неудобно за человека.

Но – становишься ревнив и завистлив, пряча это даже от себя; жаждешь неудач своей бывшей и непоследовательно психуешь, когда ожидания сбываются. Преувеличиваешь некомпетентность «приемника», но когда он на эмоциях вскакивает вместе с запасными, ты тоже там, вместе с ними. Фантомная боль, да.

Все проходит – время мародерствует в памяти, утаскивая без разбору и плохое, и хорошее. Куда-то зовут, то ли в ФНЛ, то в Казахстан; не лезть же в «интернат» из-за любых пустяков?

В каких-то прямых и не очень эфирах тебе цепляют на лацкан микрофон, жарят софитами и ждут откровений. Ты немногословен и высокомерен, но не без снисходительного остроумия. Ходишь на матчи, провоцируя слухи. Тебя видят с людьми, которые вхожи и решают, глупо опровергать. Надо только отдохнуть, оглядеться, кое-что пересмотреть, конечно. Ну а потом – с новыми силами.

Снимают «приемника», ты доволен. Без злобствования – «ну приятно мне, что, повеситься теперь?» И едешь на какую-то тусовку, где он точно будет, находишь, ловишь его ладонь в свою, говоришь что-то хорошее. Встречаешь взгляд.

И еще долго тебя тошнит от этой непристойной, гаденькой радости, ты думаешь, «да не в ревности же дело, не в том, что он закончил строчкой ниже... А в чем? В какой-то мнимой справедливости, от которой никому не стало лучше?»

И проходит еще год. И другой.

Все реже узнают на улице. Как-то незаметно для себя начинаешь тщательнее прислушиваться к телефонным звонкам, если видишь незнакомый номер, подбираешься, как перед прыжком. Снова бессонница, которая куда хуже той, рабочей, пред-после-матчевой. Об интервью уже не просят. А не отказал бы, есть что рассказать. Намекнуть, что хоть завтра готов.

Говоришь другу: «Что я, стервятник, отставок ждать», или – «с детьми поработаю, интересно», а он молчит, не подкалывает и превращает все в шутку. И от этого неуютно и хочется поменять тему разговора.

В жизни все больше прошлого, всех этих: «а помнишь?» Время не ждет, вот и шестидесятилетие вводит войска в твои мечты и планы. Парень, которого ты в прошлой жизни заметил и вынул из дубля, шлет поздравительное смс; он в «Зените», играет почти регулярно. Ты вспоминаешь, как он бежал обнять тебя после своего первого гола, на секунду снова оказываясь там. Улыбаешься, тебе хорошо.

Старший внук дебютирует во второй лиге, привозит запись с игрой – похвастаться. Лет пять назад раскритиковал бы в пух и прах, а тут смотришь и хвалишь этот ужас, радуясь радости ребенка.

И думаешь, «тренер кончился, смотрите срок годности на упаковке».

Капелло, Хиддинк, ага, посравнивай – самоиронии нужно все больше – так всякая лечебная химия со временем требует увеличения дозировки. Где твои медали, дедушка?

Вспоминаешь, листаешь свои апрели и листопады. Дважды выводил провинциалок «из полуподвала в полусвет», то есть в европейский предбанник, выигрывал у каких-то англичан. С молодежкой поработал, нашел интересных парней, с молодыми тебе было легче. Шел по чемпионскому графику с безбюджетным клубом, дикая молодежь тащилась от самой себя и ковала победы на кураже; на экваторе вышли на первое место, но в межсезонке команду растащили по комплекующим – те, кто побогаче. Спасал от вылетов, «заслуженный пожарник Поволжья». Был еще финал Кубка России – проиграли по пенальти, врагу не пожелаешь. Все?

Да, все. Это уже не перерыв между таймами, это три свистка и мемуары. «Не говори с тоской их нет, но с благодарностию: были».

Ты идешь заваривать чай и болтать с женой пустяках, первый раз за много месяцев радуясь всяким привычным мелочам, которые, наверное, и есть жизнь.

А в это время звонит телефон, но ты его не слышишь.

Единственный матч

В девяносто третьем году в Богучанах еще нет пивбара. Старый закрылся, новый появится позже, лет через пять.

Мы с Петровичем сидим в номере гостиницы «Полет», что в двухстах метрах от взлетной полосы, пьем наспех охлажденное пиво и обсуждаем людскую необязательность. Обсуждает, если быть точным, Петрович – я киваю.

Мы знакомы часа два. Мой случайный знакомый тренирует футбольную команду «Буревестник», которую привез играть с местными хлопцами на первенство края.

За распахнутым окном неторопливо течет жаркий июньский день. Петрович костерит двух своих парней, кинувших команду самым паскудным образом.

– У Вовки, защитника, день рождения был. Сидели, грят, нормально. Ну, чё, пацанам по двадцать лет, чё там нормального может быть. И вот, ёшкин кот. Двое даже проснуться не смогли. Не, Игореха, ты понял-нет, даже в порт не приехали. Убью. Да в мое время...

Мое лицо излучает сочувствие. Из экономии Петрович вез в Богучаны только двенадцать бойцов, из коих двое повели себя как последние засранцы. Простой арифметический расчет наглядно показывает недокомплект состава на завтрашний матч с местной «Ангарой», на секундочку, лидером турнира.

– Прикинь, что местные скажут? Красноярцы без штанов уже, состав набрать не могут. А «Ангара» в прошлый год во второй лиге играла, девятикратные чемпионы края. И так сольем, скорее всего... Да че, Игореха, ты ж сам понимаешь.

Открываем еще по одной Я тут третий день, прилетел в четверг, порешал дела, в понедельник домой. Раньше никак – Богучаны хоть и условный север, но поезда сюда не ходят, да и тракт енисейский заканчивается в более южных широтах.

Петрович сидит нахохлившись, в глазах его злость и обида.

А я вспоминаю, как мы с другом сидели на «восточке» двенадцатилетними пацанами. «Автомобилист» Красноярск, вторая лига. Юра Сипкин, Александр Кишиневский, он же «Кеша», Колчин Сергей... Дома всех рвали, две ничьи только. А левая бровка, паренек, бил по всему, что движется, включая мяч... да... ему сейчас под сорок, так и есть.

– Петрович?

– Ну.

– А ведь я тебя помню.

– Да не, там другая тема. Уринович не хотел, что бы я уходил, зуб даю. А мне играть хотелось, звали в Кемерово – Раздаева помнишь?

– А то. Он нам в восемьдесят втором «двуху» положил, ему уже тридцать пять было. Мужик.

– А закончил он в сорок четыре, да. А у меня в Кемерово не пошло, год поиграл, поехал в Иркутск. Потом мениск, потом второй. Короче, не сложилось у меня, Игореха. Не сложилось.

Я аккуратно разливаю потеплевшее пиво из последней бутылки.

– А, Петрович. Ты ж поиграл все равно. А сколько пацанов так на «коробках» и пробежали. Им же тоже хотелось... хоть разок, по-настоящему.

Петрович щурится, усмехается уголком рта.

– Про себя, что ли?

– Да и про себя...

– И много бегал?

Я киваю. Много-не-много, какая разница. Пылили почти ежедневно, азартно и бестолково. От души.

Я не сразу улавливаю этот момент. Да и кто бы уловил? Пиво, расслабон, жаркий вечер...

Петрович вертит в руках пустую бутылку, в его глазах больше нет ни обиды, ни ностальгии. В его глазах только завтрашний день.

– Слушай, Игорь, – говорит он. – Сыграй за нас завтра, а?

С бутсами все в порядке, форма тоже есть. Я больше не Игорь Альтов, волшебник Петрович превратил меня в игрока команды «Буревестник». В футболиста, понимаешь. Золушка едет на бал, заднюю передачу врубать поздно. Все классно, но меня колотит, как первокурсника перед экзаменом.

На утренней разминке парни пуляют мячами через полполя. Я никогда не играл на поляне длиннее полусотни метров. И на газоне – нормальном, стриженном газоне, тоже не играл. Сбылась мечта идиота.

– Справа в защите, по игроку, – негромко говорит мне Петрович. От него вчерашнего не осталось ничего – собран, немногословен. – И проще. Получил – выбил. Сашке – в крайнем случае.

Сашка Шегай вратарь, ему восемнадцать. Пробовался в какой-то московской школе, вроде и прошел, но родители не потянули – дорого.

– На стандарты не бегай, караул хату, – продолжает Петрович. – Судья вроде ровный, но не шали, смотри по теме, первые двадцать минут про подкаты и захваты за майку забудь. Наши слева и в затяжной – подключайся. Подскажу, если что.

Я люблю футбол. Я просмотрел не одну сотню матчей, я, наверное, как-то понимаю в тактике.

Я ржал над ошибками всех защитников мира.

Но сегодня мне страшно.

Стадион – две лавки вдоль поля, с каждой стороны. Народу около сотни, может больше. Свисток, стартуем. Я дергаюсь вперед, потом назад. Потом опять вперед. Феноменально не совпадаю с командным движением. Умудряюсь попасть в офсайд. Тут же задерживаюсь «дома», обеспечивая противнику глубину атаки.

Кошка играет сама по себе. Кстати, Виктор Онопко тоже начинал справа.

Мяч из точки то и дело превращается в ядро. Я бросаюсь на него, как на амбразуру, «вынос, вынос, твою мать», чуть ли не хором орет команда.

«Товарищи, при обстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

Ого, я сделал перехват. Теперь подальше лупануть. Мне прививали английский стиль, сэр.

Снова отдаю в борьбу. Отчет-то будет в местной прессе? Оценок для моей игры наверняка еще не выдумали.

Меня раскусили. Нашли слабое звено. Обоих нападающих противника тянет ко мне, как магнитом, хищники почуяли жертву. Петрович колдует над противоядием – я ухожу на левый фланг, через пять минут возвращаюсь обратно.

Судьбу не обманешь, Петрович, мы, все одно, в меньшинстве. На хрен тебе сдался этот рыцарь дворовых коробок, техничный, как телеграфный столб.

Будьте осторожны с мечтами – они имеют свойство сбываться.

Сашка творит чудеса, ныряет в ноги, выбивает кулаками. Два моих косяка подчистил, как не было. С меня причитается.

Дважды меня проходят как ребенка, на третий я успеваю выбросить ногу. Фол. «Игорь ноги-косы», смотрите на экранах страны. Невысокий паренек «Ангары» подает на ближнюю, пара рикошетов, Сашка пластается, но не успевает.

Мы горим ноль один.

В перерыве Петрович что-то говорит. Димке, Славке, Лешке, Витьке. Подходит к каждому, находит пару слов.

К каждому, кроме меня.

Меня не существует. Помни, золушка, после двенадцатого удара твоя голова превратится в тыкву. Кстати, гудит голова, принял мяч темечком. Ноу-хау, наверняка, надо бы запатентовать. Что, мальчик, не наигрался еще? Снимай-ка бутсы и дуй в «хотел», пока пиво в магазине не кончилось.

Игорь Альтов все карьеру был предан единственному клубу.

Да, так и надо. Петрович поймет. Я же не напрашивался, не выдавал себя за Паоло Мальдини в изгнании.

Судья зовет нас на второе действие. Я встаю последним... надо сейчас, потом будет совсем глупо.

– Игорь, ты че тормозишь? – это Петрович. – Давай, давай, и вперед почаще. Лупи, когда можно, мало издали бьем.

Что-то удивительное – Сашка пару раз начинает игру через меня. Встречают не сразу – не привыкли. Дважды отдаю ближнему, в третий раз наглею, дохожу до центра поля, успеваю на Витьку Колота, вся игра через него. По инерции продвигаюсь дальше вдоль бровки, мяч снова у меня в ногах, дергается, как под напряжением. Уже виден угловой флажок.

«Я дам вам парабеллум», сказал Остап.

Не глядя, бью в район штрафной, кто-то из богучанцев срезает на угловой, едва не попав в собственную рамку.

Я совершил ТТД, товарищи, отметьте в протоколе.

Интересно, «Ювентусу» нужен правый защитник?

Вторая часть мерлезонского балета уже не так отвратительна. Я не мечусь бешеным павианом, не бью, куда попало, диалектику не по Гегелю, футбол не по телевизору, ага. Пару раз пробую длинно и по диагонали, один раз удачно. Хозяева то ли подсели, то ли ленятся. Они фавориты, идут без очковых потерь. Могут позволить.

И еще они могут делать замены. И делают. На мой фланг выходит шустрый парнишка в весе пера. Скорость как у Беланова. Петрович реагирует быстро.

– Игорь, Дима, меняемся.

Ага. Это кто я теперь по должности? Опорный полузащитник, однако. Волнорез. Как Сергей Алейников и Андрей Баль.

Рядом Колот. Он пластичен как пантера, идет на ангарцев с мячом, те чуть отступают. Я страхую на случай потери, хотя зона свободная впереди, может туда?

Не, обрежемся, не успею домой. Колот решает сам – пробрасывает, бьет. Мяч цепляет пятку защитника и влетает в ворота прямо по центру, туда, где секунду назад был вратарь.

«Пятнадцать», кричит Петрович. Нас давят, мнут и прессуют. «Чем ты заплатишь за воду ничьей», мля? День простоять, да ночь продержаться. Сводит ноги, колет в бок, свистят легкие. Бросаю курить, честно. Десять минут.

Последний раз меня так колбасило в армии, пять лет назад. Там было тяжелее; сапоги, автомат, разгрузка... До полигона двенадцать «камэ». Без такой подготовки я бы не выдержал здесь и тайма.

Хозяева делают еще две замены. Один из вышедших здорово похож на Хорста Хрубеша. Сколько в нем росту, интересно? Я уже центральный защитник, специализация «вышибала». Проще, еще проще. «Пять», кричит Петрович. Мяч коршуном пикирует в штрафную.

Лбом все же лучше, чем темечком – успеваю выбить мяч непонятно куда.

А через секунду «Хрубеш» врезается в меня, как бык в зазевавшегося тореадора...

Почему я так редко бываю на природе? Это же кайф – походить меж деревьев, полежать на травке. На такой мягкой, зеленой травке...

В моей голове гномы-шахтеры орудуют маленькими отбойными молоточками. Реальность возвращается не сразу, толчками, блуждая между разрывом сознания.

– Живой? – голос Петровича

– Ага, – я облизываю пересохшие губы. – Помоги встать. И это... сколько до конца?

– Всё, один-один. Ты крутой перец, Игореха.

Моя улыбка шире лица. Петрович усмехается и добавляет:

– Но какое же ты дерево...

Девяносто третий год был последним и для «Ангары», оформившей десятое чемпионство в первенстве края, и для моего «родного» «Буревестника».

С Петровичем мы тепло распрощались в Емельяновском порту, обменялись телефонами, но жизнь закрутила, и мы больше не виделись.

Сашка Шегай играл на Дальнем Востоке, потом перебрался в Иркутск, в «Звезду», где его партнерами были тогда еще молодые Владимир Гранат и Андрей Ещенко. Закончил в две тысячи шестом – полетели «кресты», вернулся домой. Недавно мы встретились на «Центральном», на «Енисее», пообщались на удивление складно, редко так бывает с почти незнакомыми людьми. Сашка вспоминал, как я валялся у между «точкой» и вратарской, судья игру не остановил, и он за три секунды втащил меня за лицевую, как раненного с передовой.

В футбол я уже не играю даже во дворе – некоторые детали организма этому настойчиво препятствуют. Но смотреть люблю, болею за наших против «ненаших», а когда кто-нибудь из сидящих рядом орет «да я бы лучше сыграл», я улыбаюсь и молчу.

Финиш для лягушки

Он пришел в «Гранит» в неполные двадцать три, засветившись до того в молодежке. Пришел под Петра Бедарева, самого Бедарева, вратаря сборной, который «номер раз» или даже круче, который сам себе система координат, первее не бывает, и скамейка запасных для таких антураж стадиона, не более.

И сидел под ним как в окопе, вырытом с особым усердием, влип в лавку, как пчела в варенье, да контракт неплохой, и это делало метафору еще более уместной. Актер эпизода, «это „Гранит“, парень, ты знал куда шел».

Не поспоришь, знал. Дублерский свитер дубел и въедался в кожу намертво и всерьез, пока не стал как панцирь – стамеской не отковырять. Усмехался, «трудно первые сто лет, потом привыкаешь», но шутка приедалась, а месяцы карьеры складывались в годы, которых у спортсмена не избыток.

Работать он умел. Более того, научился воспринимать тренировку, как вещь самодостаточную, а не прелюдию к игре, которой не будет, научился выкладываться в гулкой тишине тренировочных будней всем своими нерастроченным игроцким желанием. Ловить свои радости, когда в конце тренировки привычно стучит в висках и ноет колено, а тебе хорошо, и парни опять просят задержаться: поспорили на пенальти или кто положит больше с линии штрафной.

Он стал пожарным в городе несгораемых зданий, часовым заброшенного поста, персонажем ненаписанной пьесы. «Жестче», орет тренер на двухсторонке, и в тебя врезается вчерашний дублер, пыхтящий за шанс, которого у тебя не предвидится. И ты лежишь, хватая ртом воздух, и кто-то хлопает тебя по плечу, «все в порядке»? а ты все лежишь, ощущая себя не слишком новой деталью, которую слесарь-ремонтник носит с собой «так, на всякий случай».

У него не брали интервью, не узнавали в метро, даже комментаторы порой забывали его при чтке протокола. В «Граните» он был незаметен как матрос на зебре. Менялись тренеры, иные не успевали запомнить в лицо и по имени, называя то Лешой, то Сашей. Жена перестала спрашивать про работу, сын уже не хвастался, что его папа вратарь самого «Гранита». Он играл в «предбаннике» Кубка России, в «товарняках» на предсезонке, а в чемпионате сыграл ровно один раз – в последнем матче сезона, когда основа уже праздновала золото.

Через два года решил уйти, но отговорили, дали новый контракт, «верим в тебя, ты часть нашей банды».

Потом еще два года. Заинтересовался крепкий середняк, по деньгам выходило ровно, советовался с друзьями, отмечали чей-то день рождения, но все только ржали – набрались уже, здорово набрались. Кто-то вспомнил анекдот «Как? Мне уйти из авиации?», а он чуть не полез в драку, выпил сдуру, а пить никогда не умел... Дома жена гладила по голове и говорила, что из Москвы не хотелось бы, что ребенок только пошел в школу, что у него хороший контракт, другие и этого не добились.

«Чего – этого? Лучшее – враг хорошего, да? Идиотская присказка, отмазка для неудачников».

Но снова был сезон, и он снова и снова говорил себе, что «Черчесов сидел под Дасаевым, Уваров десять лет был на вторых ролях в „Динамо“, оба дождались своего бабьего лета, которое оказалось запоздавшей весной, чем ты хуже?»

И продолжал пахать.

Отметил свой двадцать девятый день рождения, а неделей спустя Петра Бедарева сломали в совершенно рядовом матче, subtilный паренек въехал ему шипами в колено, это было на полгода, не меньше. Бедарева несли на носилках, а он бежал к воротам, натягивая перчатки, не размятый, с растрепанными ощущениями, слушая гул стадиона, который со скамейки, оказывается, звучит совсем не так.

Защитники напряглись и не пасовали назад, били в ауты, он орал, они огрызались. А потом вlepили в ближний, а потом рикошет, заваливший его совсем в другую сторону, и мяч полз к ленточке как змея, а он только смотрел на него под угрюмое молчание своего стадиона.

Да, потом сыграл еще дважды, неплохо, да что там – хорошо сыграл, но на заявочном флажке клуб арендовал Шевченко, первого номера молодежки, и этот удар он не взял. Менялось не будущее, менялось прошлое, из всех этих семи лет работы тренажером для форвардов как-то вдруг выпустили смысл, словно воздух из проколотой шины.

«Вратарь не нападающий, его не выпускают на десять минут или на тайм, как в хоккее, успокойся и дыши носом». Такой вот аутотренинг.

И как-то само собой испарилось желание изматывающей тренировочной работы, которая держалась на сидящем внутри и вдруг неприятно покосившемся и захрустевшем стержне, стержне, который изнашивался раньше, чем оба колена и переломанные пальцы.

Нет, не сорвался, никаких нарушений режима, боже упаси, но ковш спортивного честолюбия уже скреб по дну того места, где когда-то была мотивация, где было желание и вера в силы, и чудное ощущение, что все сложится хорошо.

Перестал попадать в заявку, пополз вес, остатки смысла сбегали, как зрители с безнадежно проигранного матча. Поговорил с президентом, раз, другой. Пошли навстречу, отпустили в клуб ФНЛ.

Возвращалось хоть что-то, планы второго сорта, ага, просто играть, играть. Снова ушел в тренировки, но уже не было того куража, вес сбросил, и смотрелся неплохо – тренер показывал большой палец.

Весной стартовал второй круг и он окунулся во второсортный ад своей второсортной мечты.

Игра вроде и шла, тащил и отбивал, но каждый пропущенный был под дых и злил до ярости, клуб не блистал обороной, пропускать приходилось много. Ушел через два месяца не научившись привыкать к поражениям, контракт с тихим шумом скользнул в шредер – по обоюдному, как говорится, согласию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.